

Аркадий
Застырец

**БЕЛЫЙ
КИТЕЛЬ**

Аркадий Застырец

Белый китель

«Издательские решения»

Застырец А.

Белый китель / А. Застырец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838225-3

Эта книга — поэтический дневник продолжительностью почти в два года. Стихи, представленные здесь, так же, как в предыдущих книгах автора, уводят в самые разные планы бытия и дебри непростых философских решений. Но притом на страницах «Белого кителя» уверенно царят ясность и точность, почти ювелирные...

ISBN 978-5-44-838225-3

© Застырец А.
© Издательские решения

Содержание

ЗИМ	6
Благовещение	7
К радости	8
Царь горы	9
Диатриба	10
Именины сердца	11
Сказка	12
Дом	13
Атака	14
Выходной (Museum III)	15
Циркачка	16
Городское каприччо	17
Белый китель	18
Возвращение	19
День дождя	20
«Сколько существ обитает в твоём океане?..»	21
Девичья игрушка	22
Чудесное спасение III	23
Дорожная	24
Долгие сборы	25
Пират	26
Обречён	27
Пионерские сны	28
В лодке, не считая	29
73-й	30
Как тяга...	31
Уведомление	32
Место	33
Полвека	34
Математика	35
Клеть	36
Аэроклуб	38
«Даль под небом осенью виднее...»	39
Русская кухня	40
Две улицы	41
Неверный сонет	42
Дом-призрак	43
После Доджсона	44
Июльская гамма	45
Кантор святого Фомы	46
Alter Ego	47
Окно	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Белый китель

Аркадий Застырец

© Аркадий Застырец, 2017

ISBN 978-5-4483-8225-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗИМ

Двоюродный дедушка был молодым,
Когда подарил мне машину —
Железный, открытый по-маршальски ЗИМ,
Стекло впереди, и в резину
Надёжную каждого был колеса
Со звёздочкой обод засажен.
К рожденью такие вот, брат, чудеса —
Подарок и тяжёлый, и важен.
Его иногда я решительно брал,
С движком десятицилиндровым,
Колёсами в пол, разгонял и пускал
С басовым пугающим рёвом...
Он мчал, сокрушить радиатор грозя,
Чугунный такой, в серебрянке.
Под полом соседи кричали: «Нельзя
По комнате ездить на танке!»
И бабушка ЗИМ отбирала и в шкаф,
Заказанный мне, заперала.
И жизнь его, в миг тишину разодрав,
На месяцы там замирала...
Все знали о том, что когда-нибудь ЗИМ
Исчезнет из этого мира,
И больше парада не примет над ним
Летающий носитель мундира.
И правда, однажды его не нашёл
Я в верхнем шкафу покорённом —
ЗИМ вылетел в ту же трубу, что и стол
И стулья, и лампа в зелёном.
А как же иначе? Но мне одному
Тогда же предсказано было,
Что ЗИМу ещё суждено моему —
Взреви, лошадиная сила! —
На площадь рассветную в блеске живом
Проехать – фанфары и слава! —
И я буду в ЗИМе сидеть за рулём,
А ты – в белом кителе справа.

Благовещение

В саду, верней, в конце садовом,
Где реже старая трава,
Еще не выданная словом,
Калитка скрипнула едва.

И точно шёпотом песочным,
И в жаркий полдень полуночным,
Как строчкой, тропкой пронеслись
Шаги, шаги, легчайший бриз.

И сердце, замерев сначала, —
Нет-нет, он не был Ей знаком,
Какой-то юноша с цветком —
Больней и глубже застучало.

Он вымолвил. В ответ Она
С непониманием глядела
И на стрелу веретена
Овчинку светлую вертела

Под кровом сетчатых теней.
Он повторил с кивком и взмахом
И преклонил, охвачен страхом,
Колени и главу пред Ней.

Ни светлого кольца, где темя,
Ни крыльев за худой спиной...
Неслышно развернулось время,
Как на пружине заводной.

К радости

Всё к радости, ты помни это друг!
Всё к воскресенью, воздуху и свету.
Не важно – Холмогоры, Бранденбург...
Мы едем в понедельник или в среду.

Всё к радости! Бетховен не был глух.
И Моцарта бессмертные моторы
Испанка лихорадила, как пух
Июньских тополей сгорает скорый.

Всё к радости! Таков уж оборот,
И в слякоти мучительной дороги
Теряется находкам дивным счёт,
И солнцам ослепительным в итоге.

Важнее, чем за что и где болит, —
Кто там на берегу в цветочном платье
Под проливным пронзительным стоит
И ждёт, простив, принять тебя в объятье.

Царь горы

В царя горы до одури, до жара
Под шубою от пят до головы —
И в снег упасть, и – где ты, где ты, Лара? —
Почувствовать гуденье тетивы.

Опять зима и чёрная цигейка,
Лежи, дыши с устатку подо тьмой,
Где звёзды на морозе светят клейко,
Как на подъездной ручке шар стальной.

Лежи, гляди, в созвездий паутине
Читая то, чего на карте нет —
То стрекозу, то пляшущих в камине,
То ставший на дыбы велосипед...

А то усни и в погребке кошмара
Свой дом ищи по хрупким этажам,
Не находя. И – где ты, где ты, Лара?
За встретиться с тобой я всё отдам.

Диатриба

Что значит верить до конца,
Дойдя до дня шестого,
Не ради красного словца
Или ловца иного?

Достанет ли тебе тогда,
Извилинами скорый,
Врождённых навыков труда
Над матрицей и спорой?

Как прежде, будешь ворошить
Невидимые силы?
Не прекратишь плести и шить
Над свежестью могилы?

Не забоишься окунуть
Не в ауру и прану —
В холодной сукровицы суть
По локоть и не спяну?

Не тереби нательный крест!
Не три свой глаз скоромный!
Арс лонга, вита брэвис эст
И – как там? опыт тёмный?

Именины сердца

Алый галстук спозаранку,
Золотой значок на грудь,
С красной кисточкой испанку
На макушку не забудь!

Мы идём парадом в мае,
А потом на ВИЗ, в кино —
Без билета на трамвае
Нынче нам разрешено.

Года два еще до встречи —
Врежет ливнем по стеклу...
Слава, утро! Слава, вечер!
Я всему пою хвалу.

Слава слуху! Слава глазу!
Слава с Лениным рублю!
Даже издали ни разу —
Всё равно тебя люблю.

Сказка

В четыре-ноль-восемь
Проснулся во мне
Въезжающий в осень
На белом коне,
Влетающий снегом,
Гудящий в трубу,
Излеченный бегом
С дождями на лбу.
Живущий не даром,
Спешащий не зря
На волке поджаром
Сквозь лес октября,
И лугом, и в гору,
Яге вопреки,
В бодрящую пору
Вдоль бурной реки
(Напрасна другая,
Безъядна змея) —
К тебе, дорогая
Царевна моя.

Дом

Это мой дом, Эйкейтрина, вон там, за углом.
Весь-то не мой он, а только каморка на третьем.
Собственность следом за —
помнишь ещё? – лихолетьем
В руки сама мне упала сквозь века разлом.

Это мой дом, Эйкейтрина! Мой маленький дом,
Угол тепла и земных треволнений могила.
Я покажу тебе – там, за фламандским холстом —
Вход в подземелье. Не бойся, держись за перила.

Так, Эйкейтрина, ровнее и выше фонарь!
Можно и спеть, если песенка наша не спета.
Крысы боятся бродячего белого света.
Вдарим по крысам и светом и песней, как встарь!

Мох и трава на поверхности тайного люка —
В лес полуночный моё подземелье ведёт,
Тихо теперь – умоляю, ни света, ни звука,
Узеньким лазом и ощупью нежной, как крот.

Мы полюбуемся медленным лунным закатом —
Разве луна не глядит загоревшимся льдом?
Там, в облаках, Эйкейтрина, в просторе разъятом
Может, и ты себе выстроишь маленький дом.

Атака

На вечно-зелёном по склону горы
В огне золочёном съезжают шары,
Сосульки и птицы, морковь и арбуз,
Садовая тачка из тоненьких бус.

Горящие свечи и яблочный лёд
Поют и трещат, продвигаясь вперёд.
Цветы в зеркалах, в переплёте альбом
И лебедь зимы на стекле голубом.

А в небе над ними зашёл на таран
Из бисера с гарусом яркий биплан.
А выше Небес – не смотрите туда —
Волхвам указала дорогу звезда.

Выходной (Museum III)

На рассвете все взрослые спят...
За окном – ни морозного дыма,
Ни дождя две недели подряд,
И несчастья идут себе мимо.

Под ногами линолеум – шарк!
Спят, и всё тут, намёков не слышат,
Глубоко всей полуночью дышат...
Обещали вчера в зоопарк...

В тридцать третий скучающий раз
Разберу дорогие подарки —
Разложу в целлофановый марки,
Вставлю клоуну выпавший глаз.

К не желающим раньше вставать
Притулюсь – я же худенький! – с краю
И давай – о животных мечтать,
В полудрёме шагая по Раю.

Вижу зебру, жирафа, слона,
Первый раз – у воды бегемота...
Здесь и слова-то нету «война»
И любви лишь бывает охота.

Притяжение горькой земли
Шаг за шагом теряет значенье,
С облаками плывут корабли,
Где высокого ветра течение.

Вот уже высота подо мной,
Я в пернатой лечу веренице...
Но не в смысле, что это мне снится —
Просто день наступил выходной.

Циркачка

Платье алое легко,
Мака летнего алей,
Ноги – в чёрное трико,
Ни морщинок, ни щелей.

А сама седа, как лунь,
Непокорная глава —
Это женщина июнь,
Это женщина сперва.

Омут глаза – тёмный жад.
Глянет раз – и всё, завал.
Ею кинут, акробат
Из-под купола упал.

Укротитель Анатолий
Тоже до смерти любил,
Загляделся – и изволь:
Тигром насмерть сожран был.

И когда она идёт
По опилкам и ковру —
Возбуждается народ,
Как фламинго поутру.

На трапеции верхом
Взмает мигом в горний план,
А оттуда – прямиком
Как в огне аэроплан.

Как же было не сгореть —
Если в жилах керосин?
Не от гриппа ж умереть
В день праправнука крестин!

Скатерть зимняя бела,
Простыни во сне белей,
На поверхности стола
Так легла, что не пролей.

Городское каприччо

Фронтонных муз печальные белила
Смывало на зелёное дождём,
Как будто Дездемона умолила
Отелло погодить с его судом,

Но изменить, увы, уже не в силах
Течения, смывающего путь,
И вечер пил в погашенных белилах
Глухими фонарями света суть.

И в городе, весной легко одетом,
Тьма коротка, смешна и не страшна,
Поскольку рядом опера с балетом —
Вечор на всю катушку дотемна.

По мокрым доскам в пляс полунагие
Пускались девы, сбросив тайный вес,
И – что скрывать! – их прелести тугие
Внушали юным жгучий интерес.

Как музыка в сердца влюблённых влезла?
Я просто изумлён, а не виню...
Все ждали коды, шумного разъезда
И тишины, венчающей возню.

Все ждали жизни быстрого продленья,
За тактом такт, от сих и до сих пор,
Как в музыке – биений повторенья,
Как в опере: чуть что – вступает хор.

Все ждали счастья, радостных сюрпризов,
Шампанского, букетов и даров...
Не голубями ж засранных карнизов
И суками загаженных дворов!

Белый китель

Не люблю Жюль-Верна, что ты, что ты! —
Намусолив книжицу в руке —
За его широты и долготы
На плохом французском языке,

За его фальшивые маршруты,
По лекалу циркулем расчёт
До секунды выверен, и – тьфу ты! —
Видишь, кондор Роберта несёт?

Если бы еще не сочинитель,
Что «А ну-ка, песню нам пропой»,
И не капитанский белый китель
В крабах и капусте золотой,

Я совсем забил бы на Жюль-Верна,
Не взошёл вовеки бы на борт
Там, где Немо тёмная каверна —
Тайной лодки выдуманный порт.

Не искал бы глазом в небе Спаса
Бросив диким жемчуг и коралл...
И топор поди из-под компаса
До сих пор бы сдуру не убрал.

Возвращение

Я опять в мою вернулся школу,
И на грязной лестнице какой-то
Чёрного заваленного входа,
Где мышами пахнет и хранятся
Транспаранты с Лениным и Марксом
И наверно курят все тайком,
Директриса с карими глазами
Мне в любви нечаянно призналась.
«Я скучаю», – так она сказала,
Со слезами глядя на меня.
И наверно б кинулась в объятья,
Распалая тщетную надежду,
Если бы не рядом ученица,
Подбородок маленький задрал...
.....
Школа, школа! Вечные руины!
Туалет – как скалы в океане,
Тучи пыли, груды безобразий,
И всё время что-нибудь на снос...
Непрерывный сбор металлолома,
И навек забыты в раздевалке
Варежки, висят на батарее...
Умирает старый трудовик.
Там в портфеле блёклые тетради
И дневник в учительской краснухе,
Там столы в разнузданном граффити,
Застеклённый с глобусом скелет.
А ещё развинченный частично
Микроскоп, как печь – большой и белый.
Не вписался вовремя, не нужен,
А в моё-то время был король.

День дождя

Какое счастье – день дождя!
Зонтов упругая вампука;
Ловец теней сетями звука,
У стен – поток, не погода,

И, под водой вращая свет
В своих неутомимых спицах,
Без никого велосипед
Летит, не падая, как птица.

Всё по-прохладному светло,
Жасмин не требует полива,
Двор мокрым цветом занесло,
Черёмуха – не то что слива,

Но – сладкой горечью дыша —
Она – до лета нам награда
И так по-русски хороша,
Что лучше, кажется, не надо.

«Сколько существ обитает в твоём океане?..»

Сколько существ обитает в твоём океане?
В десять томов уместится ли их каталог?
Можешь пометить на бегло набросанном плане
Каждого зверя пещеру, гнездо, уголок?

В храме любви не одна золотая колонна.
Это я понял наверное в детском саду.
Даже наивное чистое сердце не склонно
Всё представлять как покрытую снегом гряды.

Сколько в тебе нераскрывшихся летом бутонов?
Жёлтых и красных, с неровно-бордовой каймой,
Белых тюльпанов и иссиня-чёрных пионов...
Кто из них твой и который единственно мой?

Мало ли платья скрывают твои гардеробы?
Лифов и юбок, жакетов, ажурных чулок...
Что ты носила во время прилежной учёбы?
Что надевала на ритмики первый урок?

В тысячу лет невозможно твои переулки
Все осмотреть, а ещё тупики и дворы,
Или в часах сосчитать шестерёнки и втулки,
Съехав под утро на утлой фанере с горы.

Девичья игрушка

Роман всегда кончается синицей...
В конце, увы, не водятся орлы.
Синицей? Нет, хотел сказать – страницей,
А вылетела птица из пчелы.

Пчела – поди пойми, какого пола,
И, в сущности, попробуй отличить
От времени прошедшего глагола,
В инфинитиве будущего «пчить».

Пчела, пчела, все глазоньки пропчела...
Опять ошибка. Плакала? Ждала?
В окно, тоскуя, пристально глядела?
Сжав жало, закусила удила?

Но нету, нету жала у девицы —
Есть волосы, на пальцах – ноготки...
Цветы такие? Сердце веселится,
Чуть зацветут на кончиках руки!

А после-то что станет с лепестками?
Когда она на счёт их оборвёт,
Жестоко зацепляя ноготками:
«Не любит, любит, плюнет и пошлёт...»

Чудесное спасение III

Поняв, что больше никому на свете я не нужен,
Что мама любит не меня, а так тут одного,
К тому же я воздушно худ и, кажется, простужен,
И смысла мне не придаёт земное естество —

Я молча к озеру пошёл, сыскал худую лодку,
В песок коленями, толкнул и прыгнул на корму,
Желая без вести загнать себя в земную глотку,
В прохладу ихтиотеней, в корней лилейных тьму.

Я грёб без вёсел – то рукой, то щепкой бесполезной,
Я шёл озёрной глубине в средину, внепротык,
Вдобавок ливень хлестанул своей хернёй железной,
Внезапной, точно лось в лесу или далёкий крик.

Я грёб отчаянно, за мной
сквозь тень прибрежной тины

Уже рванули, в грязь швырнув одежду второпях —
Кто – точно я не разглядел: архангелы? Мужчины?
Сверкала сфера тех минут, что убивают страх.

Потом, когда вода своё, казалось, отплясала
И в лодку ровно до краёв проникла глубина,
Меня на берег принесли, и мама зарыдала,
И сердце двинула в тиски бессмертная вина.

Дорожная

Даже несколько вёсен и лет,
Даже несколько пряных недель,
Если честно оплачен билет
И дорожная вся канитель.

Посидим на дорожку – и вон,
Только хлопнет подъездная дверь,
Где-то взлётная или перрон,
Мы не рано ли? Время проверь.

Если ты непрерывно со мной,
В жёлтой блузе и белом платке,
Ветерок за прохладной спиной,
Без вещей, хороша налегке,

Если вышли, едва рассвело,
По асфальту с недавним дождём,
Потому что и утром тепло —
Хоть по лужам иди босиком,

Под воротами – мотоциклет,
Громче грома, по-птичьи крылат,
Оседлаем – и в порт, и привет,
И не знаю, когда мы назад.

Долгие сборы

Моему отцу

Ты обещал мне лес, поход,
Достал рюкзак бледно-зелёный...
Был ночью дождь, а утро – вот:
Дома – как рафинад пилёный,

И откровенны небеса,
Как будто мы в открытом море,
Как нагота в невинном взоре —
Их ненаглядная краса.

Начав с невидимого дна,
Мы уложили всё в порядке
И отказались от палатки,
Решив вернуться дотемна.

Мы взяли кружки и ножи,
Крупку, армейскую тушёнку,
– А ложки? – Тоже положи.
И в жестяной коробке донку.

Галеты и цейлонский чай —
Полдня пропало в этих сборах
И в жарких спорах-разговорах —
Молчи, дурак, не отвечай!

И всё равно забыли спички,
Те, что не гаснут на ветру...
Давно ушли все электрички,
Что намечались поутру.

Рюкзак набили под завязку,
Часы закатные сочли
И в завтра путь перенесли —
Как недосказанную сказку.

Но утром завтрашнего дня
Ушёл ты втайне без меня.

Пират

Тебе владенья ведом вкус
трёхмачтовым фрегатом,
Когда канатною смолой
дыхание полно
И грязноватым парусам,
как на небе заплатам,
Коли от палубы глядишь,
быть снежными дано.

Когда высокая волна
разломлена прозрачно
Твоих матросов – соль и дым! —
торжественным трудом,
И режет боцманский свисток
с оттяжкой и смачно
Надежд невидимую нить
от берега, где дом.

А ты стоишь на высоте,
над брызгами и медным,
И, как положено, глядишь
в подзорную тудым
Или, на солнце наведя,
не ослеплён победным,
Его пытаешь высоту
секстантом золотым.

Вдохнув, читаешь, как псалтырь,
движение муссона,
И внятен паруса порыв
тебе, как пеший шаг.
И увидав за десять миль
рангоут галеона,
Велишь британский подымать
на чёрном гроте флаг.

Обречён

Ты с вечера охотился за мною...
Дорога мне едва была видна,
Когда, овит родильной пеленою,
Я вышел на закате, дотемна.

Я шёл и шёл – сугробами по пояс,
Звериной окровавленной тропой,
Лишь изредка, от боли беспокоясь,
Испрашивал тропу на водопой.

Не ведая лица грядущей ночи,
С короткого разбега я взлетал.
Ища путей полегче и короче,
Длинней и тяжелей себе стяжал —

По хоть куда чудовищным развилкам —
Направо бунт, налево ведовство —
Не чувствуя младенческим затылком
Дыхания живого Твоего.

Ты следуешь за мною неотступно,
И вижу я: наутро – даль светла —
Меня пронзит однажды целокупно
Твоей любви калёная стрела.

Пионерские сны

Когда пионеры во хвойном и вольном
Ложатся в отрядных на сон корпусах,
Они перед сном не заводам и войнам
Вручают себя через праведный страх,

А – кто с кулачком, в средостение вжатым,
Кто с шёпотом, стоном и звоном стекла —
Они отдаются красивым вожатым,
Опасным и взрослым, как в улье пчела.

Они отдаются их длинным ресницам,
Пилоткам и бантам, гофре и плиссе,
И после им снится, не вправе явиться,
Вожатая Саша на мокром шоссе,

Вожатая Таня в сиреневой майке
И чёрных трусах на зарядке-заре,
Чьи груди то в небо глядят без утайки,
То тонут в тени, как котята в ведре;

Командой в строю к поворотам неволя,
Вожатая Лена, чьи гольфы – как снег,
Вожатая Уля, вожатая Оля...
А девочкам – только вожатый Олег.

В лодке, не считая

Вменённые равнине и низине
Душой в обмен на ветра вещество,
В с утра холодной лодочной резине
Мы были живы все до одного.

До над костром консервов и печенья,
До краденой капусты на пути
Гребли мы против вечного течения,
Чтоб на закате вовсе не грести.

И до и после скорое скольжение
Меж двух опор бетонного моста,
Ломая в тёмной глади отраженье,
Мне снилось раз, наверно, больше ста.

Склонялись ивы в воду берегами,
Курилась в поле солнечная гарь...
И расширялся медленно, кругами
Мой сухопутный жалобный словарь.

Я забывал в извивах лабиринта
О примитивном правиле руки,
Не отличая лук от гиацинта
И лишь по вкусу – море от реки.

73-й

В семьдесят третьем году
между песком и травой
Я ли по небу иду
в драповом сером пальто?
Я ли рискую упасть
в города тьму с головою,
Точно в толпу акробат
из парусов шапито?

Точно ли это меня
в семьдесят третьем колене
Люди явили на свет,
мама с трудом родила,
Корь, и объяв, не взяла
в жарко-чудовищном крене
И скарлатина, сдавив,
дух испустить не дала?

Может ли быть, что со мной,
под руку, гибкая, рядом
Движешься, как тишина,
и не боясь высоты,
Мне уступаешь во всём —
шёпотом или же взглядом,
Или понурым кивком —
невероятная ты?

Мне ли открыты цветов
дикорастущих пещеры,
Где укрывается шмель
или пирует пчела?
И неужели меня,
полного меди и серы,
Не упустил ни на миг
ангел мой из-под крыла?

Как тяга...

Как тяга медленной реки,
В своей громаде незаметна,
Вода к воде стремится тщетно
И тащит стрежнем топляки;

Как сила тонного песка,
Ползя по мертвенной Сахаре,
Сгоняет тень рассветной хмари,
Будь та хоть с бездну велика;

Как под стрехой тиха огня
Гряда, невидимая глазу,
Становится пожаром сразу,
Вдруг лопнувшим стеклом звеня —

Так вера в сердце день за днём
Растёт по скрупулу и грану,
Безверия латая рану
Грядущей радости дождём.

Уведомление

Теперь мой ход. До этой полосы
В песке, траве, асфальте и бетоне
Не я. Теперь наручные часы
Куплю себе наверно на «Озоне»,

Кроссовки «Найк» январской чистоты,
Велосипед с ручными тормозами,
И всё, и всё на свете, что не ты
Добыла кровью, потом и слезами.

Я всё куплю во сне и наяву,
Чем в юности мучительно увлёкся,
По правилам с абсурдом парадокса,
И всё, о чём от бедности реву.

Не оттого, что этого хочу —
Бессмысленны мои приобретения, —
А потому, что так себя учу
Азам и мастерству пренебреженья.

Теперь мой ход. И я почти готов
Оставить мир предметов и желаний,
Как лев, содрав питательный покров,
Гиенам оставляет остов ланий.

Место

Зачем-то я в июне вспоминаю
О ноябре, безмолвном и глухом
Когда меня – зачем, опять не знаю —
На целый день свезли в казённый дом.

Троллейбусом в предутреннюю темень,
В какой-то стародавний детский сад,
И я не вижу смысла в этой теме,
Не вписанной в покойный жизни ряд.

Не вижу, но мучительно пытаюсь
Хоть что-нибудь, хоть искру разглядеть...
Вот я в фанерный шкафчик раздеваюсь,
Вот снег идёт, стараясь не шуметь,

Вот рисовая каша, тошнотворной
Громадой на тарелке разлеглась —
И я хворобой приторно-притворной
Её с моих долой желаю глаз...

Вот лестница, зеркальные перила.
Куда она? В какую высь ведёт,
Закутанная в сурик и белила?
С трудом преодолев один пролёт,

Гляжу – в тени лепнины потолочной
И штор, бордовых, точно винегрет,
Нет никого – лишь в золото-барочной
Фальшивой раме – Ленина портрет.

Мне кажется, что времени потоки
Застыли там в кошмаре и тепле,
Как все мои грядущие уроки —
На холодом расписанном стекле.

Полвека

Полвека – и в дальние страны
Как будто меня занесло...
Бывало, подъемные краны,
Как цапли, стучали в стекло,

И, строя великое в малом
От вечности на волосок,
В средину двора самосвалом
Речной завозили песок.

За играми – ссоры и драки
Там были, любовь и вражда,
Из внешнего мира собаки,
Ища, залетали туда.

На сливочно-круглой верёвке
Там простыни сохли в жару,
Из форточек запах готовки
Заботливо шёл поутру;

В межствольном июня с июлем
Натянут был тощий гамак,
И серым прожорливым гулям
Крошили мы хлеб натошак.

Водой священного Ганга,
Горбатый, как сказочный гном,
Там дворник из чёрного шланга
Окатывал клумбу и дом.

Твердили мне свыше: – Готовься
Прилежно к тому и сему!
Но времени не было вовсе
Взросленье дано моему.

Поскольку отправлено было
Всё время в полуденный пруд,
Где лилий зелёная жила
И стаями рыбы снуют,

Где дрожью застыли стрекозы
В подсолнечной ряби сквозной
И мыслей тревожных занозы
Не лезут под воду за мной.

Математика

Математика, математика,
Моему уму мать и мачеха.
То резиночка, то кристалл она,
Светлой памяти Марья Паална.

В седине глава – точно в облаке
Дырка в бублике, абрис в облике,
Окончательно бесконечная,
Мука мучная, рвань заплечная!

Всё б ей циферки, буквы, чёрточки,
То на цыпочки, то на корточки,
Пальцы холодно замелованы,
В классе мальчики не целованы.

Вычисления конокрадские,
Звуки точные, суки адские,
Графы-графики, игры-игорки,
В душном трафике – иксы, игреки.

Треугольники деревянные,
Все мы – школьники окаянные,
Математикой перевязаны,
Мать и мачехой впрок наказаны.

Так и видится, так и плачется,
Всё одно и то ж, не иначится.
Всё зима-метель заоконная,
В животе – любовь незаконная,

Не мычит умок и не телится...
Ох, не сжалится та, что целится!
Но, приваренный райским деревом,
Марья Паална, я не верю вам!

Клеть

В Калужской филармонии
В подвале стынет клеть.
Ни тени в ней агонии:
Чему там умереть?

Но видятся мне издали
Сквозь толщу миль и стен
Вещей отцовских призраки,
Захваченные в плен.

Они живьём томились там,
Закинуты в тюрьму,
И в сумраке извилистом
Являлись моему

Желанью завидующему
Из фибровых глубин,
Подростку неимущему,
Как бедный бедуин.

От шёпота, от эха ли
Взлетает холодок —
Ведь сорок лет, как съехали
На юг-юго-восток

И, вскоре вознесённые,
На горнем этаже
Царили многозвонные,
Как яйца Фаберже.

Цвели святые образы
На солнце и в тени,
Куски древесной обреза,
Наросты, корни, пни,

Родные фотографии
И книжек тесный ряд...
Ничтожны эпитафии,
Когда слова горят

И, в памяти бесплотные,
Беззвучные во рту,
Летают беспилотные,
Как листья на мосту.

Как лилии в Японии —
Не выговорить впредь.
В Калужской филармонии
В подвале стынет клеть...

Аэроклуб

Вдоволь дышится – горный озон.
Вверх и вдаль – расстояние в кубе.
Начинается зимний сезон
В нашем массовом аэроклубе.

Парусина от ветра гудит,
С ночи верх отворён тёмно-синий,
На морозе алмазно горит
Фюзеляжа и крыл алюминий.

И Венера стоит, как всегда,
Во взрывном ослепительном роде —
Не богиня-планета-звезда,
Но пробоина в утреннем своде.

А на взлётной в слезах раздают
Поцелуи, цветы и объятья...
Я уже несбиваемый, братья,
Мне уже ни к чему парашют.

На планёре прохлады фартовой
Я и так до земли долечу...
Будто Нестеров с марки почтовой —
Хоть какая петля по плечу!

«Даль под небом осенью виднее...»

Даль под небом осенью виднее,
Первый снег – и в людях птичья прыть.
Чем поздней, тем в мире холоднее
И костры нужнее разводить.

И запасов, кажется, немного —
Соли, мёда, масла да крупы...
Надобно ли больше у порога,
До разбега мёрзнущей тропы?

Всё равно выходим на рассвете
Под скалой на север по реке,
На зиму пустые выбрав сети.
Впроголодь и лучше – налегке!

В голове и на сердце яснее
И отнюдь дорога не длинней —
Не успеть сродниться даже с нею...
Чем поздней, тем в мире холодней.

Русская кухня

Прибило пух к живородящей,
И подорожник из земли
Взошёл для ссадины болящей:
– Сей миг прилепим, не скули.

Не хмель, пускаемый на пиво,
Не тёрн, омела и орех —
В России краем прёт крапива,
Почти по горло, как на грех.

Но и крапива тут едою
В нелёгком времени была,
И одуванчик с лебедою
Добро питали против зла.

И сок, добытый из берёзы,
И с тонкой удочки уха
Голодные смывали слёзы,
А сладкий корень лопуха

Лечил, отварен в родниковой,
Такой и эдакий недуг,
И – слава Богу! – всё по новой:
В избе любовь и в поле плуг.

Две улицы

На улице Аптекарской
и улице Ферганской
Живут себе, не ведая
ни горя, ни труда,
В необозримых зданиях
на высоте гигантской
Счастливые красивые
у чистого пруда...

По улице Аптекарской
сквозь арки виадуков
Они летят – не нужен им
планёр и парашют —
И улицей Ферганскою
детей своих и внуков
В сады ведут фруктовые,
а в детский – не ведут.

Две эти чудо-улицы
обильно оцветованы,
А плюс – пестро от бабочек,
колибри и стрекоз,
Идёшь по ним и думаешь:
«Наверно заколдованы
Нечаянные заросли
бессонных тубероз...»

Идёшь по ним и думаешь:
«Вот странные названия!»
Ведь нету на Аптекарской
ни клиник, ни аптек,
Поскольку на Аптекарской
телесные терзания,
А заодно душевные
осилены навек.

И на Ферганской – нате вам —
дороги мчат канатные,
В тенях надводных высятся
хоромы тишины
И рощи по обочинам,
и сосны неохватные,
Но всё это немыслимо
вдали от Ферганы.

Неверный сонет

Под утро мой торжественный кошмар,
Где призраки встречались, вдруг ударил
В оконное стекло колючим снегом,
И я упал, боясь, что разобьёт.

И пробудился, холод ощущая
Дрожащим мозгом всех моих костей,
И брёл к воде в отчаянной надежде,
Что призрака в моём жилище нет
И встретимся мы только за чертою,
Свящейся в тумане над рекой,
И осенью, не будущей конечно,
А той, что дальше утренней звезды,
Невидимой из улья городского.

Прилёт опять – согреться и уснуть.

Дом-призрак

Есть утлый дом у поминанья:
В том доме лестница скрипит,
Страницы книги без названья
Сквозняк прихожий шевелит

И шаг за шагом в тёмном свете
Свершаешь с тяжестью подъём —
Как бы вытягиваешь сети,
Где рыба бьёт о смерть хвостом

И проникаешь в жалкой вере,
Что это всё ещё не всё,
Через незапертые двери,
И сквозняком тебя несёт

Туда, туда, где подоконник
Не вырван в треск из-под окна,
Где мраморный шагает слоник
И в золотой накат стена,

Где стала следствием причина
В углу, пыли, не под замком
И старым швейная машина
Укрыта кружевным платком.

После Доджсона

До Доджсона, возможно, не дошло,
А нам издалека, из-за заслонки
Отлично видно белое весло
И кружева рассеяны и тонки,

И там, где он в плену сердитых глаз,
Вода стоит с кувшинками и тиной
И никогда обеда тихий час
Его безумной песни лебединой

Не оборвёт, и кроличья нора
Безвестности рыдающею тьмою
Не выведет любви из-под пера
Ни осенью грядущей, ни зимою,

Не выведет любви из-под моста,
Не выдюжив морали и проверки,
Лишь графикой ожившею с листа
Скользнут по водной глади водомерки,

Лишь, тая, воск стечёт под облака
С благопристойной свечки кипариса,
И очевидна нам издалека
В саду над книгой спящая Алиса...

Июльская гамма

Добытчику реликтовых минут
Фарфора солеварня ляжет ситцем.
Сирень и лясы, Сольвейг и фаст-фуд,
Мигнув, решаешь долей не делиться.

Дымят в грозу прибрежные костры,
И ветер пахнет рисом или мясом,
И выют в разгар электромишуры
Тайфуны Тарантино с тарантасом.

Такие здесь, когда придёт пора
Жары, невыносимой без колодца,
В громадном Подмоскowie вечера,
Что и не то в корнях ещё совьётся.

Япония в Сергах или Пышме
Вдруг прорастает сахарными хокку;
Три пишем, а четырнадцать в уме —
Сонет не умещается за щёку.

Даёшься диву – как мы все сюда?
Как в тот сугроб свердловские снежинки,
Как серых туч флотилия-гряда —
Косым дождём за шкурку и в ботинки...

Кантор святого Фомы

На звук один от Бога отстоит,
Но «а» и «о» в гортани так близки,
Что если «а» Создатель говорит,
То слышат «о» простые рыбаки.

А если «о» исходит от Отца,
От слуха «а» не в силах отогнать —
Так в соснах заплутавшая овца
Зов пастыря не может не узнать.

Он позовёт – и с миром примирим —
На языке не то, что на уме —
Во здравии усердный пилигрим,
От боли измолившийся во тьме.

– Не отстоит на звук от Бога он, —
Мне возразят имеющие слух, —
Протяжной нотой, сложенной из двух,
Навеки с Богом он соединён.

Alter Ego

В зге нездешних снегопадов —
Не Иванов и Петров —
Спит Аркадий Виноградов
Тих, и холоден, и нов.

Спит во мне не я – понятно? —
Ум немалый затаив,
Жить намеренный обратно —
Вот такой инфинитив.

Спит во мне, как в тёмной нише,
Но видать уже теперь:
Виноградов лучше, выше...
Человек! А я-то – зверь.

Он с того начнёт, конечно,
Чем я кончу, истончась,
И продлит во тьму неспешно
Света солнечного вязь.

Он меня толчковой правой
Навсегда к земле нагнёт,
Гиперболой величавой
Крылья к небу развернёт,

Без греха и без ошибки,
Восхитительный в конце...
Видишь белый блик улыбки
На его моём лице?

Спит пока, Бог весть на сколько
Дрёма эта взведена...
Мне при нём не роль, а ролька
Перед сценой суждена.

Я – овал и оболочка,
Он же – порох и ядро,
Виноградов, ять и точка! —
Пишет вечное перо.

Окно

Женщина читает у окна,
Не видать, письмо там или книгу —
Мне видна одна её спина,
И стекло, подверженное сдвигу.

За стеклом — отсюда б разглядеть! —
Время года делится на пары;
Разливая золото и медь,
Вспыхивают осени пожары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.